ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343

К ВОПРОСУ О ВОВЛЕЧЕНИИ ГРАЖДАН В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ И ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

Абдулатипов А.М., Дагестанский государственный университет, Центр профессиональной подготовки МВД по РД, г. Махачкала, Российская Федерация, *shaavidin@mail.ru*

Магомедов Б.Ш., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *kafedraconst@mail.ru*

Исследование показывает, хотя приёмы и способы вовлечения граждан в террористическую и экстремистскую деятельность, а также методы противодействия этому со стороны государства и общества в разных исторических условиях могут быть тождественными – всё же характер их реального содержания существенно отличается. Это определяется особенностями идеологии конкретно-исторического периода, главным образом – присутствием доминирующей государственной идеологии; наличием возможностей для боевой, идеологической и психологической подготовки членов боевых террористических организаций; эффективностью системы общей и индивидуальной профилактики в обществе; другими внешними и внутренними условиями функционирования государства.

Ключевые слова: вербовка, террористическая и экстремистская деятельность, приёмы и способы вербовки, социальные сети, дерадикализация.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-26-2-134-140

UDC 343

TO THE QUESTION ABOUT CITIZENS' INVOLVEMENT IN TERRORIST AND EXTREMIST ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Abdulatipov A.M., Dagestan State University, Vocational training centre of the Ministry of Interior, Makhachkala, Russian Federation, *shaavidin@mail.ru*

Magomedov B.Sh., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *kafedraconst@mail.ru*

The study shows that although the methods and ways of involving citizens in terrorist and extremist activities, as well as methods of countering this by the state and society in different historical conditions can be identical – yet the nature of their real content is significantly different. This is determined by the peculiarities of the ideology of a specific historical period, and mainly - by the presence of the dominant state ideology; - by the availability of opportunities for combat, ideological and psychological training of members of combat terrorist organizations; - by the effectiveness of the system of general and individual prevention in society; - and by other external and internal conditions of the functioning of the state.

Key words: recruitment, terrorist and extremist activities, methods and ways of recruitment, social network, deradicalization.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-26-2-134-140

Предупреждение и пресечение преступлений террористической и экстремистской направленности не могут быть эффективны без знания особенностей тех социальных групп и слоёв населения, из которых привлекаются исполнители террористических акций, адекватного представления о применяемых лидерами и участниками террористических и экстремистских структур приёмах и способах вовлечения граждан в террористическую деятельность, в том числе с использованием наци-

ональных и религиозных чувств, верований, ценностных жизненных установок и иных приёмов.

Как известно, основным способом пополнения террористических и экстремистских структур является вербовка. Процесс вербовки является очень сложным и в различных ситуациях применяемые при этом способы и приёмы отличаются в зависимости от того, на какую социальную среду и объекты направлены интересы террористов. В основном они направлены на поиск лиц с определёнными

ными личными виктимными качествами, таких как ненависть к государству, обществу, окружающим; возможность сбора нужной для террористов информации; опыт боевых действий; обладание специальными навыками или знаниями в области вооружения и минно-подрывного дела; знание IT-технологий, иностранных языков, медицины и др.

Исследования в данной сфере свидетельствуют о том, что приёмы и способы вовлечения граждан в террористические структуры не постоянны, меняются в зависимости от разных обстоятельств и, в первую очередь, их эффективности с точки зрения выполнения поставленных задач и достижения преступных целей на определённый период.

Мы согласны с мнением тех авторов, которые считают, что анализ социальной детерминации предполагает применение метода историзма, т.е. познания явлений в развитии его прошлого к настоящему и от него к будущему, что позволяет обоснованно не только объяснить детерминацию, но и прогнозировать ее дальнейшее развитие [1, с. 148].

Так, в 90-е годы прошлого столетия враждебные силы, опираясь на возможности ряда ближневосточных экстремистских религиозных структур, способствовали распространению в республиках Северного Кавказа традиционно чуждых кавказским мусульманам радикальных политизированных течений исламского фундаментализма. В результате пропагандистских усилий радикалов часть населения региона попала под влияние их идеологических установок.

После нескольких безуспешных попыток насильственного свержения существующей власти в 90-е годы прошлого столетия радикалы перешли к тактике использования идеологических приёмов и методов противостояния, распространению среди верующих всеми доступными средствами экстремистских идей, постепенному созданию в населённых пунктах республики так называемых «джаматов» (фактически – конспиративных террористических ячеек) с вовлечением в свои подпольные структуры новых членов.

Основным идеологическим стержнем в данном вербовочном процессе служила идея постепенного перехода к джихаду в целях создания исламского государства «Халифат» с шариатским правлением. Именно на данном этапе в Дагестане, как и в других республиках Северо-Кавказского региона, создавались религиозные организации, строились мечети и другие культовые заведения на иностранные финансовые средства, эмиссары из Саудовской Аравии, Пакистана и других государств открывали духовные школы, выпускали литературу, вели активную вербовочную работу в молодёжной среде.

В целях активизации вербовочной деятельности местные вербовщики и эмиссары зарубежных экстремистских религиозных организаций открывали филиалы или создавали нелегальные ис-

ламские учебные заведения. Идейная обработка молодежи проводилась не только в духовных учебных заведениях, салафитских и ваххабитских мечетях, но и в светских учебных организациях, а также по месту работы и жительства молодых людей. Одновременно оказывалась финансовая помощь отбываемым лицам.

В качестве примера можно привести основанное лидером дагестанских ваххабитов Б.М. Кебедовым в г. Кизилюрте медресе «Хикма», которое беспрепятственно функционировало в 1991–1999 годы. В данном учебном заведении ежегодно обучалось до 700 учеников. Кебедов имел выход на ряд посольств арабских стран, откуда и получал интересующую его литературу [2, с. 167].

Такие же учебные заведения с привлечением иностранных преподавателей бесконтрольно функционировали в городах Махачкале, Хасавюрте, Хасавюртовском, Казбековском, Дербентском районах, в поселках Хушет, Ленинкент, в селениях Губден и Кудали.

Многие выпускники этих учебных заведений в дальнейшем становились главными рассадниками религиозного радикализма, сепаратизма и экстремизма в республике. А отсутствие реагирования со стороны государственных органов способствовало распространению подобных учебных заведений и в других населённых пунктах республики.

Немалая часть экстремистов была завербована и подготовлена в зарубежных религиозных учебных заведениях. По данным спецслужб, с начала 90-х годов прошлого столетия для обучения в религиозных образовательных учреждениях за границу выехало более 2000 дагестанцев.

Исследование показывает, что наиболее активная вербовка велась именно в мечетях, где имамами были выпускники этих учебных заведений. Под воздействием их экстремистских проповедей в салафитских мечетях республики (наиболее активно – в мечетях по улице Котрова и Венгерских бойцов в г. Махачкала, г. Хасавюрте, посёлке Кироваул, Губдене, Карамахи) прихожане вступали в ряды подполья, постепенно расширяя его пособническую базу.

Иногда ваххабитские медресе принимали вид полувоенного лагеря, где учеба сочеталась с серьезной физической и военной подготовкой, которая вытекала из положения о том, что джихад в современных условиях неизбежно принимает форму вооруженной борьбы [3, с. 195].

На начальном этапе они уделяли внимание молодым людям и подросткам из малообеспеченных слоев населения, лицам с неустоявшимися взглядами, а также обучающимся в различных исламских учебных заведениях, так как эта категория молодежи осталась без светского обучения и легко поддавалась влиянию экстремистских идей.

Но в последующем эта тенденция кардинально изменилась. О динамике и масштабах такой деятельности террористических структур может

свидетельствовать обнаружение, по данным ЦПЭ МВД по РД, завербованных лиц даже среди студентов ведущих высших учебных заведений республики (Дагестанский государственный медицинский университет, Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный педагогический университет, Дагестанский государственный институт народного хозяйства и филиал МАДИ).

Так, одна из таких завербованных групп студентов, перешедших на нелегальное положение, была обнаружена в съемной квартире в г. Хасавюрте. Члены данной группы участвовали в сходках боевиков, где планировали посягательства на сотрудников правоохранительных органов, государственных, общественных деятелей и духовных лиц.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что наиболее одиозные члены подполья были завербованы экстремистами также и в местах лишения свободы.

Помимо вовлечения в подполье путём идеологического воздействия, применялись и другие способы вербовки. Как отмечает А.М. Гамидов, одна из причин попадания молодёжи в сети экстремистских течений – поиск источников дохода, а также осознание невозможности утвердиться в обществе. И поэтому социальная база террористов расширяется за счет безработных, а также подростков из малообеспеченных семей [4, с. 82].

Также использовали факторы романтических устремлений молодых людей, наличие мотива мести у близких людей ликвидированных членов террористических структур (особенно для вербовки «смертников»), нередко применяли обман (для вербовки «вёмную»), шантаж, уговоры, физическое и психическое насилие (в основном для вербовки лиц для «разового» использования).

Пополнение численности подполья осуществлялось, в основном, из местных жителей. Вместе с тем, в состав группировок вовлекались также жители республики, проживающие в других субъектах России, а также выходцы из других регионов России. Установлено участие в террористических ячейках республики жителей Ставропольского края, Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Астраханской и Ростовской областей. Активная вербовочная работа в настоящее время ведется в северных регионах России: Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Тюменской области и т. д.

Так, в результате контртеррористической операции, проведённой подразделениями Национального антитеррористического комитета (НАК) 21 апреля 2018 г. в г. Дербенте и одноимённом районе, убиты 11 боевиков. По данным НАК они были членами одной из международных террористических организаций, имели связь с группой террористов, задержанных в конце 2017 года в г. Санкт-Петербурге, готовили масштабные террористические акты в городах республики в преддверии майских праздников. Один из террористов был

опознан как житель г. Нефтеюганска Александр Свистак.

В настоящее время вербовщики террористических организаций целенаправленно используют среду трудовых мигрантов для радикализации не сумевших адаптироваться в России граждан ближнего зарубежья, стремятся приобщить их к, так называемым, «спящим» ячейкам, которых в дальнейшем можно мобилизовать на совершение терактов.

Основными элементами идейно-целевой установки граждан при вербовке, используемыми ими на начальном этапе, явились: отказ от признания светского характера государства, необходимость противостояния легальной власти «неверных»; сепаратизм, выход из состава России, формирование исламского государства (халифат); «джихад» – война с неверными, как оправдание террористических методов борьбы; критика официального духовенства, традиционного ислама, отказ считать его сторонников истинными мусульманами и ведение «джихада» против них; манипуляция лозунгами равенства и социальной справедливости, братства по вере, обещание рая после смерти праведным борцам на пути газавата; внушение завышенной самооценки и более высокого социального статуса; отказ от какого-либо сотрудничества, контактов с органами государственной власти, особенно правоохранительными органами и силовыми структурами.

Таким образом, используя набор радикальных идейных установок, экстремисты привлекали граждан, особенно молодёжь из социально уязвимых слоев населения, в своё сообщество.

После провала попытки открытых насильственных акций в 1999 году, лидеры подполья вернулись к тактике действий в условиях глубокой конспирации, создавая повсеместно террористические ячейки. Они стали широко использовать для вовлечения граждан в свои структуры передовые информационные технологии и современные телекоммуникационные системы для дистанционного воздействия на объекты вербовки, в том числе используя и такие способы: в 2001 году Р.М. Макашарипов создал в республике диверсионно-террористическую сеть под названием «Дженнет» («Рай») с ячейками («джамаатами») в гг. Махачкале, Буйнакске, Хасавюрте, Избербаше, Карабудахкентском и ряде других районов РД.

Мощная террористическая сеть сохранялась десятилетиями после его нейтрализации в ходе спецоперации 06.07.2005 г. С конца 2005 г. бандподполье в Дагестане возглавил Р.А. Халилов, который был ликвидирован федеральными силами 17.09.2007 г., и после его ликвидации последовательно НВФ Дагестана возглавляли до 2013 года ещё 6 лидеров, которые проходили подготовку минно-взрывному делу во время учёбы за рубежом либо в лагерях полевого командира НВФ Хаттаба в ЧР.

Таким образом, с 1999 по 2013 годы в республике сохранялась наиболее активная фаза вер-

бовочной деятельности подполья, вследствие чего сложилась тенденция роста количества действующих террористических групп и их участников. По данным МВД и УФСБ РФ по РД, лидерами подполья территория республики была условно разделена на 5 секторов (Центральный, Южный, Северный, Горный и Махачкалинский).

Начиная с 2013 года, в результате принятых на государственном уровне мер и активности правоохранительных и силовых структур удалось добиться коренного перелома ситуации в республике, который выразился в устойчивой тенденции к спаду террористической активности, снижении числа территориальных ячеек и их участников.

Этому способствовали также и сами террористические структуры. Надеясь на налаживание каналов получения вооружения и финансовых ресурсов от запрещённой в РФ международной террористической организации (МТО) «Исламское государство» (ИГ), с 2014 г. большинство лидеров подполья республики демонстрировали безусловную поддержку его линии, временно отказались от наращивания активности в республике и сосредоточили основные усилия на пополнении рядов МТО. Кроме того, целью такой поддержки явилась подготовка боевиков в условиях масштабных боевых действий на территории Ирака и Сирии, и последующего формирования из них боевого ядра подполья для использования в дальнейшем на территории республики.

Необходимо отметить также, что в рядах подполья в конце 2014 года наметились организационные и структурные разногласия. Оно раскололось на две самостоятельных структур: часть лидеров (Центрального, Махачкалинского, Южного, Северного секторов и террористической ячейки «Цумадинская» горного сектора) вышла из состава «Имарата Кавказ», амиром которого после ликвидации Доку Умарова в 2014 году был объявлен А.А. Кебеков (21.04.2015 г. ликвидирован спецслужбами в ходе спецоперации в пос. Герей-Авлак, г. Буйнакс). Последователи ИГ избрали своим Амиром Р.М. Асельдерова («Абу Мухаммад») и дали присягу на верность («Баят») лидеру МТО «ИГ», так называемому, «Халифу Абу Бакру Аль-Багдади».

По данным спецслужб, наиболее активно вербовкой жителей республики в ряды ИГ занимался один из влиятельных идеологов салафизма в Дагестане И.И. Ахмеднабиев («Абу-Умар Саситлинский»), который проповедовал прихожан в салафитской мечети на улице Котрова в г. Махачкале (по данным ИЦ МВД по РД, в отношении него возбуждено уголовное дело по статьям 205.1 и 282 УК РФ, объявлен в международный розыск). Так, завербованный им М.М. Абдурахманов («Абу-Банат»), уроженец селения Хаджалмахи Левашинского района, стал лидером одной из групп боевиков, воюющих в Сирии, известен размещением в сети Интернет видеозаписи с инструкциями о ведении террористической деятельности, а также лич-

ным участием в жестокой публичной казни трех христианских священников.

По данным МВД по РД, в 2015–2016 гг. Были ликвидированы лидеры МТО «Имарат Кавказ» А. Кебеков и М. Сулейманов и «Амир Вилайята Дагестан» К.Саидов, уничтожены лидеры подполья, присягнувшие ИГ, Г.А. Абдуллаев и Р.М. Асельдеров.

Как отметил на сессии Народного Собрания РД министр внутренних дел республики, в 2017 году было ликвидировано 40 членов подполья, полностью уничтожены шесть террористических ячеек, задержаны 312 боевиков и их пособников, склонены к явке с повинной – 19. В настоящее время на территории республики укрываются шесть участников незаконных вооружённых формирований, местонахождение их устанавливается [5, с. 2].

В идеологическом отношении это можно объяснить тем, что в последние годы слово «джихад» в сознании людей стало прочно ассоциироваться с бесчеловечной деятельностью ИГ, направленной на массовое уничтожение людей, не разделяющих их идеологию. В связи с этим, даже после смены тактики, выбрав в качестве идеологической ширмы вербовочного процесса вместо джихада совершение переселения — «хиджру» (обязанность мусульманина переехать в место объявления халифата, если по месту проживания верующего препятствуют исповедовать ислам), мало что изменилось в пользу вербовщиков ИГ.

По имеющимся в правоохранительных органах данным, в настоящее время по официальной версии, более 1200 жителей Дагестана воюет на стороне боевиков ИГ [6]. Среди российских регионов Дагестан считается главным поставщиком террористов.

Наиболее сложные схемы дистанционной вербовки с использованием телекоммуникационных сетей и информационных технологий применяются идеологами ИГ по соответствующей типовой схеме, разработанной идеологом МТО «Аль-Каида» Абу Омаром аль-Каиди и изложенной в программной статье ИГ («ДАИШ») под названием «Искусство вербовки» [7].

Нередко встречается такой приём вербовки, как использование манипулятивных психотехник, в ходе которого устанавливается контроль над сознанием вербуемого. При этом формируется «образ врага» на почве религиозных убеждений, расовой или этнической принадлежности человека, отношения к социальной группе.

Примером успешного воздействия через социальные сети на объект предназначения может служить вербовка, так называемого, «Кизлярского стрелка» Х. Халилова, расстрелявшего у православного храма в г. Кизляре восемь женщин, из которых пять погибло. Перед терактом он выставил в социальных сетях видеобращение, в котором читает текст присяги лидеру ИГ Абу Бакру Аль-Багдади, поместив сзади себя на стене черный флаг ИГ.

В типовой схеме предусмотрено 2 способа вербовки: стандартный трехступенчатый (наводчик – вербовщик – ведущий) и упрощенный. В первом случае процесс вербовки осуществляют наводчик (проводит первичное изучение кандидата и определяет целесообразность привлечения данного лица как «одноразового» или постоянного члена структуры); затем вербовщик устанавливает контакт с объектом; рекомендует, как его можно использовать в дальнейшем; в заключении ведущий проводит онлайн-инструктаж и осуществляет все последующее руководство.

Упрощенный метод вербовки используется к лицам, которые отличаются крайними радикальными взглядами; самостоятельно проявляют желание и готовность вступить в террористическую структуру. В целях защиты организации от внедрения негласных источников разведывательных и правоохранительных органов в отношении таких кандидатов осуществляются серьезные гласные и конспиративные проверки.

В наиболее общем виде процесс вербовки можно разделить на три этапа.

На первом этапе происходит поиск потенциальных кандидатов среди одиноких, фанатичных, слабохарактерных, недовольных существующей властью и иных виктимных в данном отношении лиц, которых вначале путем внушения и психического давления отвлекают от привычного образа жизни и близкого окружения. В дальнейшем их вынуждают отказаться от своих друзей и родственников и подменять на, так называемых, «духовных братьев и сестер».

Как отмечают специалисты, в этих целях вербовщик изучает контент интернет-форумов, блогов, сообществ на предмет обнаружения активных участников; сбор информации об объекте – изучение личной странички в социальных сетях, изучение высказываний конкретного человека в блогах, социальных сетях с целью установления его психологического состояния, умонастроений (т.н. разработка онлайн-профиля человека), переписка посредством личных сообщений с самим объектом; оценка полученной информации с точки зрения возможности привлечения потенциального кандидата к тем или иным акциям в той или иной роли [8, с. 14].

При этом вербовщики обращают внимание на лиц с определёнными высказываниями и политическими симпатиями в социальных сетях, блогах и форумах; демонстрирующих недовольство определёнными политическими деятелями и принимаемыми ими решениями, а также осведомлённость о событиях, лицах, объектах, представляющих интерес для террористической структуры.

На втором этапе вербовщики более глубоко изучают подобранных кандидатов. Для этого в типовой схеме Абу Омара аль-Каиди содержатся такие рекомендации: установление непосредственного контакта с потенциальным объектом, онлайн-беседы, предложения изучить определенную литературу или просмотреть специальные сайты (фор-

мирование «самообразования» объекта в нужном направлении); использование определенной «легенды» и сообщение вербовщиком о себе сведения, которые будут позитивно восприняты вербуемым (имеет ту же профессию, так же разочарован укладом жизни, но нашел выход и т.п.). Характерно, что такие контакты могут расцениваться объектом как совершенно случайные. Однако эти «счастливые» случайности являются результатом продолжительной работы в онлайн-режиме; оценка личных психологических качеств человека и его текущих психологических, личностных, материальных проблем; установление того, как именно качества и проблемы человека могут быть использованы для вовлечения его в деятельность экстремистской или террористической организации; отнесение объекта к разряду «одноразовых» или «многократных» потенциальных членов; проверка надежности деятельности привлеченного объекта – привлечение к участию в 1–2 пробных онлайн-акциях под строгим наблюдением куратора.

Самостоятельный вербовочный ресурс может быть скрыт в сетевых компьютерных играх, содержание которых направлено на культивирование насилия, подстрекательство к совершению действий насильственного экстремистского характера.

Иллюстрацией такого рода технологий вербовочной деятельности может служить электронный игровой ресурс «Большая игра. Сломай Систему», который в настоящее время в установленном законом порядке признан экстремистским ресурсом и закрыт [8, с. 18].

Данный процесс завершается на третьем этапе вербовкой, когда кандидат приобщается к радикальной организации. Вербуемому обещаются денежные средства, материальные блага, в том числе и собственные сексуальные рабыни. Поступает прямое предложение вступить в организацию с переходом к реальной деятельности по вербовке других людей; привлечение к непосредственной реализации терактов либо иных резонансных преступлений.

Это можно проследить на примере успешного профессионала-компьютерщика тридцатилетнего Нурмагомедова Марата Казимовича, который в 2013 бросил всё – беременную жену и близких людей, налаженный бизнес в г. Москве – и уехал в Сирию. Что его привлекло в этом «аду», на территории Сирии, контролируемой «ИГ» и/или «Джебхат ан Нусра»? Как правило, молодые «романтики» из российских (преимущественно, северокавказских) мусульман, едущие в Сирию «на джихад», черпают информацию из русскоязычных интернет-ресурсов. Известный дагестанский учёный-социолог Заид Абдулагатов пишет, что основная масса террористов-«джихадистов» не знают арабского языка, элементарных азов ислама и опираются на информацию исключительно из русскоязычных сайтов. Таким образом, они заряжаются «романтическим образом царства божьего на Земле», где царят законы Всевышнего и социальная спра-

ведливость. У молодого человека появляется «высокая» цель в жизни, и совершая «хиджр» (переселение на землю, принадлежащую, якобы, «миру ислама»), он выполняет долг правоверного [9].

Таким образом, в настоящее время основным инструментом распространения террористической и экстремистской идеологии стали, прежде всего, социальные сети и мобильные средства информационного обмена для организации скрытых каналов связи и пропаганды преступной деятельности.

По оценкам экспертов, в настоящее время в Интернете действуют свыше 10 тысяч сайтов, пропагандирующих терроризм и экстремизм. В целях локализации их деятельности принят ряд мер по наведению порядка в российском сегменте [10, с. 42].

В связи с тем, что деятельность по вербовке террористов многократно усиливает общественную опасность и воспроизводственный потенциал терроризма, законом введены новые санкции в сторону ужесточения уголовного наказания вплоть до пожизненного лишения свободы за вовлечение в террористическую деятельность, а также за финансирование терроризма. Также внесены изменения в Федеральный закон №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Предусматривается возможность блокировки экстремистского контента в сети Интернет, а также вводится ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, в том числе совершенные с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет.

В целях более оперативного реагирования на пропаганду экстремизма и терроризма в сети Интернет А. Бастрыкин предлагает ввести внесудебный (административный) порядок включения информации в федеральный список экстремистских материалов, а также блокировки доменных имен сайтов, которые распространяют данную информацию [11, с. 4].

Кроме того, в настоящее время главной задачей в противодействии экстремизму и терроризму органов власти всех уровней является дерадикализация членов подполья, в том числе «спящих ячеек».

Как отмечает С. Сиражудинова, процесс дерадикализации весьма сложен и требует комплексного подхода, совместной работы, продуманных программ, усилий со стороны семьи или общины, и, конечно же, желания самого человека, которого коснулась болезнь радикализма. Основные методы дерадикализации – диалоговые формы, создание сетей, формирование активистов из разных общественных структур и национально-культурных организаций, использование образовательных университетских инициатив и просвети-

тельских проектов, религиозно-просветительских проектов духовных центров, взаимодействие с духовенством, работу в мечетях. Важную роль в этом деле могут сыграть духовные лидеры, такие, каким был Саид Афанди [12, с. 13].

Как отмечают криминологи, в целях снижения уровня радикализации граждан, в первую очередь, необходимо реализовать меры общей профилактики по духовно-нравственному воспитанию молодежи, развитию этноконфессиональных отношений, воспитание патриотизма, толерантности, ксенофобии, путем проведения общественно значимых мероприятий патриотического, культурного и иного характера; создание условий, препятствующих распространению радикальных идеологических установок через вовлечение молодежи в спортивные, трудовые, волонтерские и иные массовые мероприятия, изъятие экстремистской литературы, решение выявленных социальных проблем и конфликтов; разоблачение преступной деятельности бандподполья посредством информирования общества о негативных последствиях для населения страны террористических акций, размещения в СМИ, Интернете и блогосфере материалов, дискредитирующих участников террористических структур, создание барьера внутреннего сопротивления аудитории радикальной идеологии с формированием государством мощных идеологических концепций и субъектов их распространения.

Ослаблению боеспособности террористического подполья будет способствовать также применение активных форм информационного воздействия с акцентом на частную профилактику в отношении конкретных лиц и групп населения, входящих в пособническую базу, состоящую, в основном, из приверженцев религиозного экстремизма, жён и вдов членов подполья (т.н. «женский джамаат» или «чёрные вдовы», из числа которых вербуются террористки-смертницы для совершения крупных террористических актов на территории РФ).

Таким образом, приёмы и способы вовлечения граждан в террористическую и экстремистскую деятельность, а также методы противодействия этому со стороны государства и общества в разных исторических условиях в некоторой степени могут быть тождественными – всё же характер их реального содержания существенно отличается. Это определяется следующими факторами: во-первых, особенностями идеологии конкретно-исторического периода, главным образом – присутствием доминирующей государственной идеологии; наличием возможностей боевой, идеологической и психологической подготовки членов боевых террористических организаций; эффективностью системы общей и индивидуальной профилактики в обществе; другими внешними и внутренними условиями функционирования государства.

Литература

1. Криминология: учебник / под ред. Проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. Г. М. Миньковского. М., 1998.
2. Абдулатипов А.М. Формы и виды организационной террористической деятельности в РД // Вестник ДНЦ РАН. Махачкала, 2003. № 14.
3. Ярлыкапов А. Проблемы возрождения исламского образования на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. Лунд (Швеция), 2003. №1.
4. Гамидов А.М. Условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в терроризм // Юридический вестник ДГУ. Махачкала, 2013. № 2.
5. МВД: «40 боевиков уничтожено в Дагестане» // «Московский Комсомолец» в Дагестане. 4-11 апреля. 2018. №15(1051).
6. Данные ЦПЭ МВД по РД и УФСБ РФ по РД.
7. Сейджмен М. Терроризм как судьба. Этические и социальные причины глобального джихада Салафи. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016sageman1.htm> (дата обращения: 29.04.2018).
8. Предупреждение вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации: методические рекомендации. СПб.: ООО «Издательство «РУСЬ», 2016.
9. Халидов Д. Трагедия одной семьи как урок для многих // Истина. 30 марта. 2018. №10(12).
10. Шайдаев М.Ш. и др. Методические рекомендации по вопросам противодействия идеологии терроризма и экстремизма для сотрудников подразделений по работе с личным составом органов, организаций и подразделений МВД России / Международный межведомственный центр подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом ВППК МВД России. Домодедово, 2017.
11. Интервью Председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина // Рос. газ. 25 июля. 2017. № 162(7328).
12. Сиражуудинова С. Факторы радикализации // «Московский Комсомолец» в Дагестане. 8-15 ноября. 2017.

References

1. Kriminologiya: uchebnik / pod red. Prof. N. F. Kuznetsovoi, prof. G. M. Min'kovskogo. M., 1998.
2. Abdulatipov A.M. Formy i vidy organizatsionnoi terroristicheskoi deyatel'nosti v RD // Vestnik DNTs RAN. Makhachkala, 2003. № 14.
3. Yarlykapov A. Problemy vrozozhdeniya islamskogo obrazovaniya na Severnom Kavkaze // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. Luleo (Shvetsiya), 2003. №1.
4. Gamidov A.M. Usloviya, sposobstvuyushchie vovlecheniyu nesovershennoletnikh v terrorizm // Yuridicheskii vestnik DGU. Makhachkala, 2013. № 2.
5. MVD: «40 boevikov unichtozhen v Dagestane» // «Moskovskii Komsomolets» v Dagestane. 4-11 aprelya. 2018. №15(1051).
6. Dannye TsPE MVD po RD i UFSB RF po RD.
7. Seidzhmen M. Terrorizm kak sud'ba. Eticheskije i sotsial'nye prichiny global'nogo dzhikhada Salafi. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016sageman1.htm> (data obrashcheniya: 29.04.2018).
8. Preduprezhdenie vovlecheniya molodezhi v terroristicheskie i ekstremistskie organizatsii: metodicheskie rekomendatsii. SPb.: ООО «Izdatel'stvo «RUS'», 2016.
9. Khalidov D. Tragediya odnoi sem'i kak urok dlya mnogikh // Istina. 30 marta. 2018. №10(12).
10. Shaidaev M.Sh. i dr. Metodicheskie rekomendatsii po voprosam protivodeistviya ideologii terrorizma i ekstremizma dlya sotrudnikov podrazdelenii po rabote s lichnym sostavom organov, organizatsii i podrazdelenii MVD Rossii / Mezhdunarodnyi mezhvedomstvennyi tsentr podgotovki i perepodgotovki spetsialistov po bor'be s terrorizmom i ekstremizmom VIPK MVD Rossii. Domodedovo, 2017.
11. Interv'yu Predsedatelya Sledstvennogo komiteta RF Aleksandra Bastykina // Ros. gaz. 25 iyulya. 2017. № 162(7328).
12. Sirazhudinova S. Faktory radikalizatsii // «Moskovskii Komsomolets» v Dagestane. 8-15 noyabrya. 2017.

*Поступила в редакцию 14 мая 2018 г.
Received 14 May, 2018*